

Мои воспоминанія объ архимандритѣ Феодорѣ (А. М. Бухаревѣ)¹⁾.

(1857 г. Нояб. 7—10). „Всенощная“ (наканунѣ храмоваго академическаго праздника—8 ноября) „отошла безъ 10 минутъ въ 8 часовъ. Въ 9 часовъ о. Григорій прислалъ мнѣ мою проповѣдь, только что прочитанную имъ,—съ приказаніемъ представить еѣ немедленно о. Ректору; я подаль черезъ келейника и о. Ректоръ сказалъ: „пришлю“; и—дѣйствительно,—вскорѣ прислалъ—съ написью: „произнести“. Въ свое время я сказалъ проповѣдь—безъ всякаго смущенія,—благодаря своей слѣпотѣ, потому что для меня слушатели почти не существуютъ. По окончаніи проповѣди о. Ректоръ далъ мнѣ просфору“. Отличаю этотъ фактъ, какъ признакъ, что о. Ректоръ не безусловно преслѣдовалъ всѣ идеи о. Инспектора, хотя могло быть и то, что онъ узналъ ихъ въ моей передѣлкѣ. Продолжаю выписку: „О. Василию Лаврову понравилась моя проповѣдь; послѣ акта ее взялъ у меня одинъ изъ нашихъ товарищей—священниковъ. Проповѣдь моя, какъ помните, стаченая на живую нитку, составлена, какъ и большею частію у насъ нынѣ, изъ обрывочковъ мыслей о. Инспектора; но,—ограниченный объемомъ листа“ (приказаніе о. Ректора, объявленное всѣмъ проповѣдникамъ) „я не могъ развить того, о чемъ бы собственно и слѣдовало говорить, а большую половину ея составляютъ нѣкоторыя эффектные предисловія къ самому дѣлу; такъ что мнѣ было бы очень стыдно, если бы проповѣдь моя попала къ самому о. Инспектору и онъ остался бы очень недоволенъ такимъ

1) Продолженіе. См. Бог. Вѣст. 1906 г. Сентябрь.

недобросовѣстнымъ съ моей стороны воровствомъ его мыслей; если я взялъ чужія мысли, я долженъ былъ сдѣлать изъ нихъ пользу для другихъ. О. Григорій очень вѣрно подписалъ на ней, что есть мысли очень хорошія; потому что онъ самъ очень хорошо знаетъ даже то, откуда какая очень хорошая мысль взята мной. Эти очень хорошія мысли не могутъ не нравиться и другимъ. Покрайней мѣрѣ не другому чему нибудь надобно приписать то, что, по замѣчанію Павлова, никто изъ всей церкви не слушалъ такъ внимательно мою проповѣдь какъ Нат. Ив.; она слушала и узнавала знакомыя мысли о. Инспектора. Въ субботу послѣ всенощной у о. Инспектора сидѣлъ помѣщикъ Леонтьевъ и вѣроятно разговоръ зашелъ о моей проповѣди; потому что за ней присылали было; но, на мое счастье, у меня ея еще не было дома. Такъ мы уже начали собирать жатву отъ сѣянія о. Θεодора. Но я при этомъ укажу нѣчто большее: важенъ не успѣхъ начинающаго проповѣдника, а тотъ трезвый и серьезный взглядъ на проповѣдь, который у меня высказанъ выше. Для ректора Архим. Іоанна совершенно достаточно было того, чтобы проповѣдь студента была прилична и не подвергалась укоризнѣ въ мистицизмъ или въ другомъ какомъ нибудь осужденномъ уже направленіи. Издавая полное собраніе моихъ поученій въ 1902 г. и включивъ въ него нѣкоторыя поученія, писанныя еще прежде посвященія, это поученіе я не призналъ заслуживающимъ изданія вмѣстѣ съ прочими. Одобренія Высокопр. Іоанна не заслужила не эта, а другая проповѣдь на 8-е ноябрю и не малосодержательностью, а по другимъ причинамъ. Такъ серьезно относиться къ дѣлу церковной проповѣди научилъ насъ тоже о. Θεодоръ.

(Воскресенье 17-го вечера). „Послѣ всенощной Софья Дм. съ Анной Ив. хотѣла зайти къ о. Инспектору и просила меня справиться,—дома ли онъ. Она пригласила и меня съ собой къ о. Инспектору. О. Инспекторъ былъ особенно — въ духѣ; прочиталъ между прочимъ рѣчь Филарета Митроп. Моск. при посвященіи Евгенія и потомъ рассказывалъ много интереснаго о Преосв. Филаретѣ и Григоріи. О. Инспекторъ угостилъ ихъ чаемъ и продержалъ до 9 часовъ... Вчера еще поутру я слышалъ, что о. Веніаминъ получилъ изъ Петербурга письмо, въ которомъ его увѣдомляютъ, будто о.

Инспектора нашего переводятъ отъ насъ въ Петербургъ, гдѣ устроится, подѣ вліяніемъ Преосв. Григорія, какой-то цензурный Комитетъ; въ число его-то членовъ будто бы поступить и о. Инспекторъ, съ устраненіемъ отъ всякихъ другихъ обязанностей. Нынѣ Софья Дм. подтвердила, что и она тоже слышала отъ кого-то въ городѣ о переводѣ о. Инспектора. Если это правда, я за него порадуюсь; тутъ ему огорченій будетъ меньше, чѣмъ на всякомъ другомъ мѣстѣ“.

„Наконецъ подтвердилась опасность столько разъ угрожавшая намъ лишеніемъ о. Инспектора. Вчера о. Инспекторъ самъ получилъ о томъ письмо отъ Прокурора. Впрочемъ, онъ все еще надѣется, что уважутъ его просьбу объ увольненіи его совершенно на покой въ Макаріевскую пустынь, верстахъ въ 3-хъ отъ Свіяжска. Нынѣ Софья Дм. и Нат. Ив. съ дѣтьми послѣ всенощной сидѣли опять у о. Инспектора и онъ продержалъ ихъ до 9 ч., тогда какъ онѣ бѣдныя были не пивши чаю“. Пустынь въ которую просился на покой о. Теодоръ имѣетъ очень красивый видъ, когда смотрѣть на нее съ рѣки, проѣзжая по Волгѣ; она стоитъ въ полу-горѣ, сплошь покрытой отъ гребня горы и до уровня весенняго разлива рѣки густымъ лиственнымъ лѣсомъ; но эта живописность пустыннаго жилища вовсе не обезпечивала даже самыхъ неприхотливыхъ потребностей, кромѣ одного блага—совершенной затерянности и изоляціи отъ цивилизованнаго міра. Въ этой пустыни и братія даже почти одни чуваша.

(1857 г. Ноябрь 22—28) „Помнится, я писалъ Вамъ, что о. Инспекторъ по поводу одного разговора обратилъ мое вниманіе на то, какъ часто обманываемся мы въ надеждѣ при исполненіи самыхъ пламенныхъ нашихъ желаній,—при достиженіи того, къ чему употребляли мы всѣ наши усилія. Оттого-то нерѣдко я, дѣйствительно, боюсь желать чегонибудь опредѣленно и особенно—дѣйствовать къ исполненію своего желанія, а предоставляю обстоятельствамъ, теченію дѣлъ—и рѣшить за меня, и даже дѣйствовать къ тому или другому. „Кстати,—объ о. Теодорѣ... пишу тоже отвѣтъ на одно изъ мѣстъ Вашего письма: дѣйствительно, ему обязанъ я и большею частію умственного моего развитія, и взглядомъ на нравственность, отъ котораго невольно уже зависитъ у всякаго и его дѣйствительная жизнь. Съумѣю или нѣтъ, смогу или нѣтъ—воспользоваться тѣмъ, что вынесу изъ ака-

деміи, — во всякомъ случаѣ, — вижу, что не напрасно по моемъ поступленіи въ академію перевели сюда о. Инспектора: покрайней мѣрѣ, мнѣ давалась возможность получить много добра на всю жизнь. Жаль только, что мало еще слишкомъ мало понялъ я и усвоилъ того, что нужно было бы усвоить. Теперь вижу и то, что, самые уроки мои Митенькѣ были не напрасны: они заставили меня самого подумать о многомъ, и многое изъ того, что прежде было во все не понятно“ (—очевидно—изъ слышаннаго отъ о. Θεодора) „довести, въ большей или меньшей мѣрѣ, сперва до собственнаго моего пониманія“. Черезъ 48 л. послѣ того, какъ это было писано, на осьмомъ десяткѣ моей жизни могу подтвердить, что печать наложенная о. Θεодоромъ на умственную и нравственную мою жизнь не изгладилась и ему принадлежитъ все доброе, что я доселѣ еще не успѣлъ прожить и растратить.

„Софья Дм. поручила мнѣ просить къ нимъ на другой день (25 Нояб.) о. Инспектора и я послѣ третьяго класса отправился къ нему. (На этой недѣлѣ я Старшимъ Череднымъ). О. Инспекторъ принялъ меня очень ласково и проговорилъ почти весь послѣдній классъ. У Корсаковыхъ быть—навѣрно не общался, потому что еще наканунѣ общался бытъ у Лукошковыхъ, а сказалъ, что, если его задержатъ тамъ, такъ онъ уже пріѣдетъ къ нимъ въ среду. О. Инспектора нынѣ, просто какъ какого нибудь апостола, его казанскіе знакомые рвутъ одни у другихъ изъ рукъ; каждый хочетъ видѣть у себя въ домѣ и знакомые между собою цѣлыми толпами пріѣзжаютъ туда, гдѣ—какъ знаютъ—онъ общался бытъ. Вотъ отчетъ за послѣдніе дни: въ Воскресенье поутру онъ былъ у Протопоповой, гдѣ его и задержали, такъ что онъ не успѣлъ на обѣдъ къ Загорскимъ; у Загорскихъ вечеромъ его пригласилъ къ себѣ на понедѣльникъ Лукошковъ, а на другой день получилъ приглашеніе Корсаковыхъ; нынѣ—во вторникъ онъ у Дубровиныхъ,—тоже по общанію, взятому еще заранѣе; завтра долженъ бытъ у Корсаковыхъ. А еще сколько такихъ, которымъ, при всемъ желаніи, не удастся съ нимъ познакомиться; такъ напр. М—те Ланнѣ все проситъ Корсаковыхъ прислать за ней, когда у нихъ будетъ о. Θεодоръ“. Вчера“ (въ среду) „вечеръ послѣ урока провелъ я у Корсаковыхъ, куда прі-

ѣхала Горталова и Антонина Ив., потомучто ждали о. Инспектора; потомъ, къ общему неудовольствію, пріѣхала еще одна дама, вовсе нерасположенная къ монахамъ и отличающаяся привычкою высказывать свое неблагопріятное мнѣніе о человѣкѣ—какъ скоро онъ вышелъ за-дверь. Наконецъ, часовъ въ 8 пріѣхалъ о. Инспекторъ съ о. Экономомъ“, (тоже монахомъ). „Его задержали, какъ узналъ я послѣ А—и съ женой, Покровскій священникъ,—и съ С. В. Наталья Ив. чуть не плакала, что имъ помѣшали воспользоваться бесѣдой о. Инспектора“.

„Въ составъ цензурнаго Комитета, устрояемаго въ Петербургѣ, кромѣ о. Инспектора и о. Макарія нашего, который будетъ, кажется президентомъ ¹⁾, войдутъ еще Макарій, бывший здѣсь Инспекторомъ и сшибшійся въ Твери и Фотій Смоленскій ректоръ. Частною обязанностью этого Комитета будетъ изданіе книгъ для чтенія простого народа“.

(1857 г. Дек. 5/13) „Какъ у насъ болѣнъ Залѣсскій! ²⁾ у него тифозная горячка и докторъ говоритъ, что она только еще разыгрывается. На его несчастье, о. Ректоръ почему то не поладилъ съ докторомъ; онъ только уже доживаетъ, пока придетъ увольненіе и на его распоряженія не обращаютъ почти никакого вниманія. О. Ректоръ, какъ божество, неприступенъ въ своемъ кабинетѣ. Впрочемъ, завтра о. Инспекторъ хочетъ просить его, по просьбѣ нашей и пламенному желанію самого больного, чтобы его отправили въ клинику“ (университетскую) „я показываю къ нему, да онъ—какъ обыкновенно больные—любитъ, повидимому, чтобы къ нему приходили и даже требуетъ моихъ посѣщеній, потому—что черезъ меня скорѣе можетъ надѣяться довести—что нужно бываетъ—до свѣдѣнія о. Инспектора. О. Инспекторъ нынѣ сходилъ къ о. Ректору и—противъ всякаго ожиданія—о. Ректоръ изъявилъ свое согласіе отправить Залѣскаго въ клинику“.

1) Впослѣдствіи архіепископъ Донской и Новочеркасскій, извѣстный своими трудами по описанію нижегородской и новгородской епархій, а въ публицистикѣ 60 годовъ носившій прозваніе Макара Гасильника „Нашимъ“ онъ названъ какъ бывший въ нижегородской семинаріи профессоромъ до постриженія еще въ монашество.

2) Залѣсскій Петръ Матвѣевичъ, недолго служившій проф. въ Тобольской Семинаріи, а потомъ—въ Тобольскѣ же, въ Омскѣ по гражд. вѣд. и умершій правителемъ дѣлъ Степнаго Ген. Губ. въ 1883 г.

„Наконецъ вчера пришла бумага о назначеніи намъ въ академію новыхъ наставниковъ; о. Ректоръ просилъ прислать ему пять монаховъ; но нынѣ на нихъ, вѣрно, неурожай: прислали свѣтскихъ—одного изъ Петербургской Академіи ¹⁾, и другаго—тоже свѣтскаго изъ Кіевской ²⁾; а остальные вакансіи велѣно замѣстить достойными изъ воспитанниковъ Казанской академіи. По этому случаю меня здѣсь уже всѣ поздравляютъ,—какъ будто это было уже несомнѣнно, что—послѣ Павлова—слѣдуетъ *оставить* меня; а я, между тѣмъ побаиваюсь, чтобы не *оставили* меня Дѣйствительнымъ Студентомъ за мое курсовое сочиненіе“. „Вчера у Корсаковыхъ о. Теодоръ рассказывалъ уже новость о назначеніи намъ бакалавровъ и нынѣ когда Павловъ пришелъ на урокъ, его уже встрѣтили поздравленіемъ“. Заношу эти слухи и предположенія, кстати сказать,—далеко неоправдавшіяся—потому что они состоятъ въ связи съ излагаемымъ далѣе рассказомъ объ исполненіи о. Инспекторомъ порученія о. Ректора поставить ему бакалавра—монаха.

„Наканунѣ у Корсаковыхъ былъ о. Инспекторъ и просидѣлъ до 12 часовъ; Александръ Львовичъ уже легъ спать; о. Инспекторъ посидитъ,—посидитъ и спроситъ: „а чтó чай уже вы въ это время спали бы“;—„да“, отвѣтитъ Софья Дм., а о. Инспекторъ все-таки сидитъ. Они вчера сами просили его; часовъ въ 5 Софья Дм. прислала ко мнѣ записку, чтобы я узналъ,—не вздумаетъ ли къ нимъ о. Инспекторъ и не прислать ли за нимъ лошадь. О. Инспекторъ отвѣчалъ было, что ему нужно быть въ Университетѣ и что оттуда онъ, можетъ быть, заѣдетъ къ нимъ; но проѣхалъ къ нимъ прямо, хотя было видно, что собрался куда-то во всей формѣ“, (т. е. въ орденѣхъ).

„Я писалъ выше, что о. Инспекторъ вчера задержалъ меня до 5 часовъ; это было вотъ какъ: Третьяго дня вечеромъ, явившись къ о. Инспектору по поводу записки Софьи

1) Василій Яковлевичъ Михайловскій, сдѣлавшійся извѣстнымъ въ послѣдствіи, въ бытность свою Петербургскимъ Протоіереемъ.—плодотворностью своихъ трудовъ по части законоучительства и преимущественно по объясненію богослуженія, а также издатель различныхъ словарей и указателей. Въ каталогъ Тузова за 1896 г. насчитывается съ его именемъ до 93 названій книгъ и брошюръ.

2) Рублевскій; перешелъ въ Кіевскую же академію.

Дм., въ тоже время я просилъ его отъ имени Залѣскаго попросить о. Ректора объ отправленіи его въ клинику; о. Инспекторъ согласился и на другой день, т. е. вчера, послѣ своего класса,—увы!—быть можетъ,—да и несомнѣнно даже,—это былъ его послѣдній классъ!—въ часѣ отправился къ о. Ректору и пробылъ у него часовъ до двухъ. Послѣ послѣдняго класса, когда уже прозвонили въ столовую, о. Инспекторъ прислалъ за мной, чтобы объявить мнѣ о согласіи о. Ректора на просьбу Залѣскаго. О. Инспекторъ самъ въ это время обѣдалъ или, лучше сказать, сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ;—потому что вовсе почти не кушалъ, а только говорилъ, думалъ, припоминалъ, рассказывалъ. Переговоривъ, что нужно было,—о Залѣскомъ, онъ сказалъ, что о. Ректоръ теперь, между прочимъ, говорилъ ему о томъ, что никого не поступаетъ изъ Казанской Академіи въ монашество, что каждый курсъ получаютъ объ этомъ ректоромъ бумаги изъ Петербурга, гдѣ на это смотрятъ, какъ на плохую рекомендацію для академіи“. Мимоходомъ замѣтитъ, о. Ректоръ въ этомъ случаѣ былъ несправедливъ и слишкомъ требователенъ: при его предшественникахъ все еще время отъ времени появлялись монахи изъ среды студенчества (Пресвященный Григорій Омскій и Семипалатинскій, Преосвященный Варсонофій Симбирскій приняли постриженіе въ монашество въ стѣнахъ академіи) наоборотъ, годы управленія академіею самаго о. Ректора были временемъ оскуднѣнія академическаго монашества. О. Теодоръ продолжалъ:—„что о. Ректоръ поручилъ ему—позаботиться объ этомъ дѣлѣ, и наконецъ“ (о. Инспекторъ) „прямо спросилъ: пойду ли я въ монахи? Кажется, я не ошибаюсь въ своемъ заключеніи, что далѣе о. Ректоръ говорилъ именно обо мнѣ. Послѣ о. Инспекторъ говорилъ еще, что о. Ректоръ прямо сказалъ, что ему нужны монахи не просто отличающіеся только благочестіемъ, но—такіе, чтобы и по способностямъ стояли въ числѣ лучшихъ; очевидно,—это бакалаврскія вакансіи. Я отвѣчалъ“, (на вопросъ,—пойду ли я въ монахи),—что *нѣтъ*.—„Что“,—продолжалъ о. Инспекторъ,—„видно,—каждо своихъ си, а не яже Христа Іисуса“ ¹⁾, и потомъ началъ объяснять

1) О. Теодоръ перефразируетъ слова апостола: „Никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кѣждо“ (1 Кор. X, 24).

нужду церкви,—нужду нашего времени,—начать объяснять, что значитъ уклоняться въ ряды простыхъ воиновъ, при недостаткѣ офицеровъ, понимающихъ дѣло, т. е. съ надлежащимъ направленіемъ, онъ говорилъ, что тутъ—искать этой степени не есть дѣло честолюбія, а становиться въ ряды—значить и самому невольно подчиняться общему направленію, опустошающему нынѣ Церковь“.

О. Теодоръ говоритъ о вступленіи только въ офицерство арміи спасенія, т. е. Церкви, имѣя въ виду ближайшее будущее студента-монаха. Но если Суворовъ о земномъ войскѣ говорилъ, что плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ; то студентъ академіи, вступающій въ ряды монашествующихъ, не можетъ не понимать, что онъ дѣлаетъ первый шагъ по пути, который неизбежно почти долженъ привести его къ высшимъ постамъ начальствованія въ Церкви воинствующей. Вотъ почему о. Теодоръ находилъ нужнымъ устранить съ пути, на который онъ звалъ меня, это препятствіе: мое опасеніе,—какъ бы не примѣшались и мечты честолюбія къ побужденіямъ духовной ревности. Мнѣ оставалось только благодарить Бога, что о. Теодоръ успѣлъ прочно и глубоко заложить въ насъ единое спасительное Основаніе, (1 Кор. III, 11.) на которомъ я и удержался, чтобы не сдѣлать ложный, непоправимый шагъ; а опасность сдѣлать такой шагъ была для меня большая, потому что я тогда вовсе не понималъ еще, чѣмъ угрожало мнѣ въ духовной жизни то высшее служеніе въ Церкви, для котораго нужны были о. ректору ученые и даровитые монахи. Продолжаю выписку:

„Задѣтый за живое первымъ замѣчаніемъ, я отвѣчалъ, что я даже и самъ много разъ прежде хотѣлъ поговорить съ нимъ объ этомъ предметѣ, но что теперь рѣшительно не готовъ къ тому. О. инспекторъ засмѣялся и сказалъ: „что!—видно, и это—какъ... какой это начальникъ-то?—Фестъ что ли, или Агриппа—сказалъ апостолу то Павлу: иди, — говорить, теперь; а я тебя послѣ выслушаю ¹⁾. И продолжалъ говорить о томъ же; онъ припомнилъ, какъ самъ онъ принималъ монашество, какъ онъ прежде самъ даже и въ мысляхъ

¹⁾ Оказывается,—не Фестъ, и не Агриппа, а Феликсъ подготовленный уже къ проповѣди о Христѣ іудеяикою, женой своей. Дѣян. XXIV, 25.

не имѣлъ ничего подобнаго“ и далѣе въ письмѣ излагается разсказъ, приведенный уже мною выше въ моихъ воспоминаніяхъ, (Богосл. Вѣстникъ 1905 г. іюль стр. 502—504) разсказъ о томъ, какъ о. Феодоръ въ жребіи нашелъ рѣшеніе, опредѣлившее всю его жизнь и дѣятельность. По окончаніи этого разсказа словами свидѣтелей постриженія о. Феодора, что „онъ, зная нѣ—смерть постригается“, я продолжалъ въ письмѣ своемъ: „Пока о. Инспекторъ разсказывалъ мнѣ это, отошла первая столовая; онъ предложилъ мнѣ раздѣлить съ нимъ обѣдъ; но я сказалъ, что не хочу его обижать“ (т. е. лишать его самого обѣда) „и что застану еще обѣдъ за вторымъ столомъ. Между тѣмъ, отошла и вторая столовая; о. Инспекторъ опять предложилъ мнѣ отобѣдать съ нимъ, и—несмотря на мой отказъ,—почти насильно усадилъ меня; самъ досталъ мнѣ ложку, вышелъ въ сѣни и отыскалъ хлѣбъ 1); „служителя, мѣшавшаго своимъ кашлемъ его разсказу, онъ отпустилъ. Правду сказать, во время этихъ разсказовъ у меня вовсе не было аппетита, хотя и приходила заботливая мысль,—не придется ли послѣ мнѣ пообѣдать однимъ чернымъ хлѣбомъ. Повинуясь особенно убѣдительности послѣдняго соображенія, и съ тайной мыслью, что, если окажется нужда, я и послѣ могу восполнить тощій обѣдъ о. Инспектора, я рѣшился лишить его половины ужина“. (Ужинъ его состоялъ изъ остатковъ обѣда). „Но Феликсъ все еще говорилъ во мнѣ: „объ этомъ я поговорю съ тобой послѣ“. Наконецъ, соображая и трудность возобновить въ другой разъ такъ счастливо завязавшійся разговоръ, и трудность высказать свои мысли относительно этого предмета, я рѣшился не пропускать благопріятнаго случая и высказать—въ первый разъ въ жизни—препятствія, удерживающія меня отъ принятія когда нибудь монашества, къ которому я и расположеніе чувствую полное, и уставы котораго имѣю намѣреніе соблюдать, и безъ постриженія. О. Инспекторъ разбиралъ ихъ со мной—однѣ за другими—почти до 5 часовъ. Подъ конецъ онъ говорилъ объ ученикахъ моихъ, о вчерашнемъ посѣщеніи Корсаковыхъ и т. п.

1) Инспекторская квартира витой чугунной лѣстницею соединялась съ расположенною подъ нею студенческою столовою и буфетомъ. Этотъ холодный ходъ въ столовую я и называлъ сѣнями.

Вечеромъ послѣ молитвы и нынѣ поутру, я опять былъ у о. Инспектора,—по поводу Залѣскаго,—довольно по долгу; но онъ не возобновлялъ уже этого разговора“. Этотъ продолжительный разговоръ, оставшійся, повидимому, совсѣмъ безрезультатнымъ для исполненія желаній о. Ректора, возымѣлъ великое рѣшающее дѣйствіе для моей жизни, нѣсколько лѣтъ спустя.

(1857 г. Дек. 15—25). „Въ воскресенье, когда я пришелъ въ 5 часовъ явиться къ о. Инспектору, онъ позвалъ меня въ кабинетъ,—помочь ему составить списки по Нравственному Богословію и по противораскольнической Педагогикѣ“ (разрядные списки студентовъ, по успѣхамъ ихъ въ этихъ предметахъ). „Долго и много говорилъ онъ со мной о своемъ академическомъ образованіи, о вліяніи на него разныхъ наставниковъ, что для меня было и очень интересно, и много поучительнаго. Ахъ! какъ я благодаренъ и какъ я долженъ быть благодаренъ о. Феодору! столько онъ сдѣлалъ для моихъ понятій, для моего взгляда на все и — для самой жизни! Не разъ онъ жаловался, — и въ этотъ разъ тоже, — что онъ всегда былъ *одинокъ*, чувствовалъ себя въ одинокомъ,—оставленномъ всѣми положеніи; но вліяніе его распространяется на всѣхъ, его окружающихъ; не говоря уже о студентахъ, другіе наставники въ его сочиненіяхъ ловятъ для себя идеи каждой къ устроенію, оживленію своей науки; послѣ этого, немудрено, что онъ *одинокъ* постоянно; онъ — передовой; другіе всѣ — или прямо только еще ученики, или только еще идутъ вслѣдъ за нимъ своей дорогой, — не говоря о тѣхъ, которые идутъ прочь или противъ. Я пробылъ у него до 8 часовъ. Мнѣ же далъ онъ и переписать списки. При составленіи ихъ, онъ — случалось, — высказывалъ вѣрные замѣчанія о характерѣ нѣкоторыхъ студентовъ, ошибаясь не разъ относительно ихъ умственнаго достоинства. На другой день у насъ были еще классы. О. Инспекторъ наканунѣ поручилъ мнѣ, вмѣсто повторенія, по Нравственному Богословію написать краткій конспектъ и представить этотъ конспектъ ему. Когда я въ понедѣльникъ, часовъ около 7 вечера, принесъ о. Инспектору списки, я не вошелъ было къ нему, увидавъ въ прихожей салопы, я послалъ бумаги съ Семеномъ; но о. Инспекторъ вышелъ самъ и спросилъ: не хотите ли чай съ нами пить? здѣсь ваши знакомыя. Я во-

шелъ и увидалъ Марью Вас. съ мужемъ, а Наталья Ив. разливала чай. Я просидѣлъ съ ними до 9 часовъ, слушая о. Инспектора“.

(1858 г. Генв. 3 д.). „Вы напрасно беспокоились и беспокоитесь относительно приступаній ко мнѣ начальства и относительно моего рѣшенія. Дѣйствительно, въ прошедшемъ письмѣ я съ намѣреніемъ высказалъ только историческую, такъ сказать, сторону дѣла, не досказавши послѣднихъ результатовъ и моихъ собственныхъ мыслей объ этомъ предметѣ. Я рѣшился такъ сдѣлать потому, что еще рано было принимать и высказывать какое-нибудь рѣшеніе, пока не прошло первое впечатлѣніе и не возвратилось все хладнокровіе, нужное для рѣшенія дѣла. Теперь я могу описать Вамъ вторую половину этой исторіи,—перемѣны, происшедшія внутри меня. Прежде всего опять повторю, что слова о. Теодора оказываютъ на меня всегда такое дѣйствіе, которое благопріятствуетъ и Вашимъ желаніямъ; они обыкновенно мирятъ меня съ жизнью, съ обществомъ и уничтожаютъ понемногу мою постоянную болѣзнь,—внутреннее раздвоеніе взаимно противорѣчивыхъ убѣжденій и убѣждений, взаимно противободруствующихъ желаній и желаній. Такъ и въ настоящемъ случаѣ,—убѣжденія о. Теодора принять монашество имѣли результатъ совершенно благопріятный Вашимъ желаніямъ; они болѣе отдалили отъ меня эту мысль. Мысль—рано или поздно принять монашество,—которая была у меня съ ранняго дѣтства, уже никогда не оставляла меня съ философскаго класса; но,—съ другой стороны,—я смотрѣлъ на принятіе монашества какъ на послѣднее средство къ самоисправленію, послѣ долгихъ предварительныхъ самоиспытаній и въ случаѣ безуспѣшности всѣхъ прочихъ средствъ къ рѣшительному перелому въ жизни. Кромѣ того,—и это самое главное,—еще болѣе удаляло отъ меня возможность принять монашество—то, что съ принятіемъ монашества я долженъ былъ готовить себя къ сану священства, и—даже болѣе, какъ это особенно ясно опредѣлилось въ послѣднее время; а я на это никакъ не хотѣлъ рѣшиться. Не разъ думалъ я говорить объ этомъ съ о. Инспекторомъ, но едва-ли бы собрался и рѣшился безъ этого рѣшительнаго случая. Теперь я выставилъ ему мое рѣшительное нежеланіе принять на себя достоинство священнаго сана—

какъ главную причину, препятствовавшую мнѣ принять монашество; и на это о. Инспекторъ обратилъ главную силу своихъ убѣжденій. И—то, что сколько разъ не удавалось и чего никогда не удалось бы сдѣлать о. Веніамину,—о. Теодоръ сдѣлалъ; самое главное для меня препятствіе къ принятію монашества было уничтожено. Но тогда-то во всей силѣ явился передо мной какой-то ужасъ при мысли о близости рѣшительнаго шага, тогда какъ до сихъ поръ мысль о невозможности принять монашество закрывала для меня внутреннее отвращеніе отъ мысли осудить себя,—въ настоящее время, при настоящемъ состояніи чувствъ и разсудка,—на самоизвольное погребеніе на всю жизнь. Когда это открытіе незамѣчавшейся дотолѣ привязанности къ жизни внезапно поразило меня, я рѣшился обратить все свое вниманіе на то, чтобы изслѣдовать въ чемъ кроется причина этого ужаса и отвращенія при мысли о монашествѣ;—не скрытое ли это сожалѣніе объ удовольствіяхъ жизни при разставаньи съ міромъ, который все-таки прекрасенъ; или это просто чувство неожиданности, непредвидѣнной близости,—просто слѣдствіе того, что мысль моя не успѣла привыкнуть къ близости рѣшительнаго шага. По совѣсти, я тутъ же рѣшилъ, что послѣднее вѣрнѣе; но, чтобы рѣшить это окончательно, нуженъ былъ опытъ нѣсколькихъ дней: нужно было на самомъ дѣлѣ испытать,—привыкнетъ ли мысль моя. Однако я не хотѣлъ предоставить одному собственному рѣшенію и другихъ препятствій къ принятію монашества, хотя довольно ясно сознавалъ и самъ слабую сторону этихъ возраженій. Я представилъ о. Теодору то, какъ мало могу я *сдѣлать*, принявши монашество и, конечно, оставшись на первый разъ при академіи,—не говоря уже о томъ, что предстоитъ впереди... Искренно говорю Вамъ, что я сознавалъ и сознаю себя неспособнымъ занять кафедру въ Академіи. И здѣсь,—противъ внутренней очевидности для меня, убѣжденія о. Инспектора не имѣли для меня такой убѣдительной силы, чтобы исполнѣ меня успокоить. Но я самъ видѣлъ, что эта боязнь происходитъ отъ *самонадѣянности*,—отъ того, что я все-таки смотрю на успѣхъ въ исполненіи моей должности какъ на слѣдствіе *моихъ* способностей и умѣнья, а не какъ на дѣло Божіе во мнѣ и чрезъ меня. Оттого убѣжденія о. Инспектора и не имѣли въ настоящемъ

случаѣ довольно силы къ моему успокоенію; надобно было, чтобы исправился прежде неправильный взглядъ на дѣло, а недостатокъ смиренія и надежды на Бога вдругъ не исправится. Я не сталъ предлагать о. Теодору послѣдняго возраженія,—что рѣшеніе, сдѣланное такъ рано, можетъ въ послѣдствіи привести къ раскаянію; отвѣтъ тотъ же и причина возраженія та же; а напередъ, конечно, я самъ долженъ смотрѣть въ оба, что у меня за побужденія къ рѣшенію,—не такія ли, которыя могутъ послѣ привести къ раскаянію. Итакъ я порѣшилъ самъ съ собой—сперва прислушаться къ голосу собственнаго сердца, давши ему прежде совѣтъ уходить, — прислушаться, — отчего происходитъ это отвращеніе и ужасъ при мысли о монашествѣ, какъ будто бы тотъ ужасъ и отвращеніе, какія испытываются при мысли о близкой смерти. Но, опасаясь, чтобы меня не сталъ опять тревожить о. Ректоръ и не засталъ меня неготовымъ къ отвѣту, я и рѣшился написать Вамъ всю историческую часть этого дѣла. Я зналъ, что письмо это должно будетъ обезпокоить Васъ; но оно должно было служить отчасти и приготовленіемъ къ тому или другому рѣшенію, которое я долженъ былъ принять. Мнѣ же хотѣлось,—но я опасался что мнѣ придется, что меня, быть можетъ, заставятъ огорчить Васъ на праздникъ вопросами подобнаго рода. Я надѣялся было еще до праздниковъ, послѣ экзамена, послать второе письмо, которое бы могло уничтожить тяжелое дѣйствіе письма предъидущаго. Въ среду былъ у меня разговоръ съ о. Теодоромъ; въ четвергъ я написалъ и въ пятницу отправилъ письмо, и въ ту же пятницу захворалъ и весь день пролежалъ въ безпамятствѣ. Въ эти дни я мало имѣлъ времени думать о предстоящемъ рѣшеніи; а при наступленіи горячки я даже употреблялъ всѣ усилія изгнать на время эту мысль, чтобы добрые люди не стали мой бредъ комментировать; но я уже довольно успѣлъ освоиться съ мыслью о возможной близости рѣшительнаго шага. Только,—не знаю уже, когда и по какому случаю обратилъ я вниманіе на то: а по какому собственно побужденію принялъ бы я монашество? Это для меня никогда не было закрыто;—я тотчасъ же могъ сказать, что мысль о монашествѣ всегда вытекаетъ у меня не изъ побужденія любви къ Богу или ближнимъ, а изъ того ложнаго побужденія или направленія, что

каждый *спасая да спасаетъ свою душу*, а другіе,—какъ знаютъ! только бы *мнѣ* съ ними не сгорѣть (Быт. XIX, 17)! Тогда-то мнѣ припомнилась вся недавняя превосходная лекція о. Теодора о ложномъ направленіи любви къ Богу,—объ этомъ или подобномъ ложномъ аскетизмѣ и фанатизмѣ. Припомнилось и то, какъ о. Теодоръ, убѣждая меня къ монашеству, предостерегалъ отъ опасности впасть въ ложное направление,—опасности, которая въ этомъ случаѣ особенно сильна и которая въ это время, говорилъ онъ, угрожала нѣкогда и ему самому. Тогда-то я задалъ себѣ серьезно вопросъ: есть ли, въ самомъ дѣлѣ, во мнѣ настолько любви къ гибнущимъ отъ недостатка искусныхъ вождей воинамъ, чтобы самому—по этому именно побужденію—искать мѣста офицера? Другаго побужденія о. Теодоръ не выставлялъ. И я долженъ былъ признаться себѣ, что ко мнѣ во всей силѣ относится упрекъ о. Теодора, который такъ оскорбилъ было меня,—упрекъ, что изъ насъ кійждо своихъ си ищетъ, а не яже Христа Іисуса (Флп. 11, 4; 1 Кор. X, 24). Такъ я и въ монашествѣ всегда искалъ своихъ си. Ложное побужденіе, ложное направленіе, примѣры и слѣдствіе котораго я вижу во многихъ. Уединеніе и отчужденіе монашества только развивало бы во мнѣ (при такомъ направленіи) эгоизмъ, который и такъ почти не оставилъ живаго мѣста въ моемъ сердцѣ, и фанатизмъ, къ которому я такъ предрасположенъ. Когда я въ воскресенье являлся къ о. Теодору по выходѣ изъ больницы и онъ долго говорилъ со мной о своемъ академическомъ образованіи,—обратясь къ прежнему предмету,—монашеству, онъ сказалъ только: „какъ Богъ устроить“! Я подтвердилъ: „да, В. В., какъ Богъ устроить“! Вотъ Вамъ весь внутренній процессъ моихъ рѣшеній относительно монашества. Теперь я говорю о своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ относительно этого дѣла какъ о дѣлѣ сданномъ въ архивъ,—какъ о *покойникѣ*, который скрывался, пока былъ живъ, нѣсколько лѣтъ, а теперь не имѣетъ больше нужды скрываться. Но, если ужъ началъ, то стану договаривать до конца. Мои *покойныя* убѣжденія, пока они были живы, оттого такъ старательно были скрываемы мной, что я былъ увѣренъ,—они нигдѣ не встрѣтили бы ничего, кромѣ возраженій; настоящія мои рѣшенія, надѣюсь, найдутъ у Васъ болѣе благосклонный пріемъ; потому я и не имѣю причины скрывать

ихъ: теперь для меня возможная вещь, что я, современемъ, буду священникомъ; о. Инспекторъ умѣлъ разсѣять или устремить мысль о томъ, какъ я могу принять на себя этотъ высокій санъ! а у меня и прежде не разъ бывала мысль принять на себя это *служеніе*; но мысль о моемъ недостойнствѣ для такого служенія удерживала меня отъ намѣренія быть нѣкогда полезнымъ для другихъ этимъ способомъ. Теперь же,—одно только развѣ надолго еще удержитъ меня въ свѣтскомъ званіи: это—необходимость для того, чтобы сдѣлаться священникомъ,—необходимость лишить себя спокойствія и независимости холостой уединенной жизни“.

„Вечеромъ нынѣ я слышалъ отзывъ о. Ректора, послѣ нынѣшняго экзамена, что онъ послѣ Павлова ставитъ меня и имѣетъ насъ двоихъ въ виду для замѣщенія бакалаврскихъ вакансій. Нынѣ же узнали мы, что 4 Дек. открыта семинарія въ Томскѣ; эта вѣсть произвела большое волненіе между студентами, потомучто вакансіи предоставлены собственно воспитанникамъ Казанской Академіи; ректоръ долженъ быть выбранъ тоже изъ монашествующихъ Казанскаго округа. Вѣроятно, на это мѣсто о. Ректоръ упечетъ о. Веніамина, потомучто онъ давно желалъ бы куда нибудь скатать его съ рукъ, какъ онъ уже и выжилъ отъ себя о. Оеодора, сдѣлавъ объ немъ не совсѣмъ благопріятный отзывъ. Правда или нѣтъ, но о. Ректоръ говорилъ, что ему писалъ Митрополитъ Григорій: „мы беремъ отъ васъ Архимандрита Оеодора на усмотрѣніе“. Очень правдоподобно, что отзывъ Ректора академіи Архим. Іоанна объ о. Оеодорѣ былъ таковъ, будто его необходимо убрать изъ академіи; потомучто въ цензурный Комитетъ въ Петербургѣ, дѣйствительно, очень часто посылали архимандритовъ, оставленныхъ на службѣ „впредь до усмотрѣнія“. „Объ о. Оеодорѣ, къ моему великому удовольствію, бумага еще не приходитъ; и писалъ я 2-го Января, быть можетъ, ему дадутъ уже доучить курсъ нашъ“.

(*Генваря 17 д. 1858 г.*) „На другой день Крещенія, Вы помните,—день Іоанна Крестителя; у насъ службы не было, но и ученія еще не начиналось. Послѣ нашей вечерней молитвы, о. Инспекторъ выждалъ, когда всѣ мы вышли изъ церкви“ (при о. Ректорѣ Іоаннѣ заведено было, что студенты и на утреннюю, и на вечернюю молитву собирались не въ одинъ изъ номеровъ, гдѣ живутъ студенты, а въ церковь)

„и, вошедши въ алтарь, спросилъ себѣ облачиться, велѣлъ служителю приготовить себѣ кадило, ладану, и началъ все-нощную въ алтарь; церковь велѣлъ запереть снаружи, а дверь изъ алтаря въ корридоръ заперъ изнутри и сказалъ, чтобы служитель не дожидался его, а пришелъ къ нему завтра за ключемъ. Мы уже и спать легли, а всенощная его все еще продолжалась и окончилась въ первомъ часу; вѣрно, одному служить не—споро“.

(*Генваря 18 - 27 д. 1858 г.*) „Нынѣ во время послѣдняго класса нашего получена бумага о переводѣ о. Инспектора въ Петербургъ, а о. Веніаминъ дѣлается, по тому же предписанію, на время И. д. Инспектора, и завтра онъ придетъ уже въ классъ, вмѣсто о. Θεодора... Увы! не весело покажется слушать послѣ о. Инспектора хоть кого бы то ни было, а тѣмъ больше о. Веніамина. Да и затянеть же онъ намъ петлю на шеѣ во время своего инспекторства! А главное.. да чтó кому за дѣло до главнаго! Такъ, вѣрно, надобно“.

„Четвергъ—утро. А между тѣмъ, пока мы веселились, другого рода сцена разыгрывалась у Дубровинныхъ. Александра Ив. получила отъ своего духовнаго отца извѣстіе изъ Риги, что младшій братъ ихъ Аркадій лѣтъ 18 ти, померъ въ Новый Годъ. Александра Ив. и Анна Ив. были въ этотъ день дежурными“ (классными дамами,—въ частномъ пансіонѣ) „и проплакали одиѣ, не приходя домой“, (квартиру три сестры и мать имѣли тугъ же, при пансіонѣ) „и не сказывая Христинѣ Ив.“ (матери) „и больной сестрѣ Ольгѣ. Вечеромъ онѣ убѣдили мать отправиться къ Корсаковымъ“ (къ четвертой сестрѣ,—Натальѣ Ив. гувернанткѣ у Корсаковыхъ). „Проводивъ мать, во вторникъ, принялись плакать на свободѣ. Калатузовъ“ (тоже студентъ академіи) „былъ у нихъ вечеромъ и чуть самъ не наплакался, глядя на трехъ плачущихъ сестеръ,—Антонина“ (тоже гувернантка въ домѣ Загорскихъ), „была тугъ же,—и слыша постоянные истерическіе припадки съ Ольгой. Плакали, кажется, сколько о братѣ, столько же и объ томъ,—какъ будетъ сказать матери: Аркадій былъ ея особеннымъ любимцемъ“. Вчера я былъ у Корсаковыхъ;—Христина Ив. спокойна; Натальѣ Ив. тоже еще не сказываютъ, потомучто тогда сейчасъ же все открылось бы и Христинѣ Ив; да и саму Нат. Ив. надобно приготовить

къ извѣстію; не знаютъ ничего, повидимому, и Корсаковы, чтобы это вѣрнѣе укрылось отъ Христ. Ив. (стр. 171). „Я не прошелъ къ Дубр., потомучто Алекс. Ив. и Анна Ив. нынѣ дежурными, и дома,—значить,—одна больная Ольга. Отправляюсь къ нимъ нынѣ, тотчасъ же послѣ обѣда. Онѣ просили было о. Инспектора пріѣхать къ нимъ нынѣ и утѣшить ихъ, но онъ обѣщался пріѣхать въ пятницу. Положено было въ четвергъ вечеромъ сказать Натальѣ Ив. о болѣзни брата, чтобы такой постепенностью подготовить Христину Ив., а о смерти сына рѣшили сказать ей уже въ субботу, когда у Корсаковыхъ будетъ о. Ѳеодоръ, который у нихъ обѣщался обѣдать, но послѣ передумали и рѣшили привезти Христину Ив. домой и открыть ей правду въ пятницу, когда у нихъ будетъ о. Инспекторъ,—при немъ“.

„Въ субботу я и Павловъ получили приглашеніе“ (Корсаковыхъ), обѣдать и отправились послѣ класса. О. Инспекторъ служилъ въ Казанскомъ монастырѣ и служба началась въ половинѣ 11-го; да притомъ это была родительская суббота, такъ что, когда мы часа въ 2 пришли къ Корсаковымъ, Софья Дм. недавно еще только возвратилась отъ обѣдни, а о. Инспекторъ долженъ еще былъ заѣхать дома въ два,—проститься. Такъ какъ онъ плохо умѣетъ распоряжаться временемъ, то Александръ Льв. потерялъ всякое терпѣніе и въ пятомъ часу мы сѣли за столъ безъ о. Ѳеодора; онъ поспѣлъ, впрочемъ, ко второму блюду; обѣдъ нашъ кончился около половины 6-го. О. Инспекторъ такъ утомился, что не въ состояніи былъ тотчасъ же отправиться ко всеобщей и рѣшилъ отслужить для себя всеобщую послѣ—одному. Намъ съ Павловымъ должно было отправиться въ академію, ко всеобщей; но о. Инспекторъ, желая, чтобы и мы провели нѣсколько времени вмѣстѣ съ нимъ, предложилъ намъ—отстоять съ нимъ послѣ его всеобщую, чему—конечно—мы были очень рады. Отпустивъ гостей и дѣтей ко всеобщей, Софья Дм. сама осталась дома. О. Ѳеодоръ думалъ было отъ нихъ проѣхать еще къ В. П. В.—му“; (каедр. прот. и членъ академич. конференціи); „но и гости возвратились“ (отъ всеобщей) „а о. Ѳеодоръ такъ вовлеченъ былъ Павловымъ въ разговоръ по поводу объясненія одного текста, что не скоро могли дозваться гостей и къ чаю, который окончился въ 9 часовъ. Часамъ къ 10 мы возврати-

лись съ о. Θεодоромъ домой; но онъ, по дорогѣ, зашелъ еще къ имяниннику,—о. Григорію и наша всеношная, начавшись въ 9 ч., продолжилась до половины 1-го; конечно, она была безъ пѣнія, служили мы въ алтарѣ, я и Павловъ читали. Точно также наканунѣ и за день передъ тѣмъ о. Инспекторъ тоже служилъ тайную всеношную“.

„На другой день“ (26 Янв. въ воскресенье) „онъ служилъ въ послѣдній разъ у насъ въ академіи. По окончаніи обѣдни сначала царскія врата затворили, чтобъ народъ зналъ, что общественное богослуженіе окончено; а потомъ, когда въ церкви остались одни знакомые о. Θεодора и студенты, онъ вышелъ и отслужилъ молебенъ въ путь шествующимъ. Послѣ обѣдни наставники и знакомые всѣ прошли къ нему прощаться“. „Быть можетъ и письмо это отправится съ о. Θεодоромъ,—особенно,—если онъ будетъ имѣть время—исполнить свое обѣщаніе—быть у Васъ въ домѣ; мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы онъ побывалъ у Васъ и благословилъ дѣтей, а Вы посмотрѣли бы на этого маленькаго страннаго чело-вѣчка. Въ субботу у Корсаковыхъ я напомнилъ о. Θεодору его обѣщаніе—быть у насъ и онъ обѣщалъ мнѣ снова,—даже болѣе: когда пріѣдетъ въ Нижній,—въѣхать прямо къ Вамъ; если во время чая,—къ чаю; если въ обѣденное время,—обѣдать; если къ ночи,—ночевать“.

„Я было думалъ отправить письмо это завтра съ о. Θεодоромъ, но узналъ, что онъ масленицу проживетъ на дорогѣ, въ деревнѣ своихъ здѣшнихъ знакомыхъ—Леонтьевыхъ; потому, тороплюсь отправить письмо впередъ,—вѣстникомъ предъ о. Θεодоромъ. Я увѣренъ, что Вы, батюшка, примете его какъ добраго чело-вѣка, хотя бы и „съ странными убѣжденіями“, а Вы, матушка, примете его какъ меня. Такъ какъ я очень люблю и Васъ, и его; то мое живѣйшее желаніе,—чтобы послѣ этого свиданія у Васъ взаимно осталось—сколько возможно—доброе впечатлѣніе; дай Богъ! Впрочемъ, если бы я зналъ, что должно случиться и противное,—все же я желалъ бы, чтобы о. Θεодоръ побывалъ у Васъ“.

(стр. 175/176).

(Генв. 29—3 Февр. 1858 г.) „Посылку свою зашилъ я съ вечера и пошелъ дожидаться возвращенія о. Инспектора въ его комнаты; пріѣхалъ онъ часу въ 12 мѣ и до часу я пробылъ у него. Онъ спрашивалъ, чтѣ я хочу сказать ему, но

я отвѣчалъ, что—ничего не имѣю; просилъ, чтобы онъ мнѣ сказалъ что нибудь на прощанье, но онъ тоже не находилъ ничего. Тогда я просилъ его,—не осталось ли у него какого нибудь образа, чтобы благословить меня; оставались два финифтяные образка Божіей Матери,—оба подаренные Игуменей. Одинъ, маленькій о. Инспекторъ взялъ себѣ; а другой,—круглый, съ вершокъ величиною—надѣлъ на шею мнѣ. Послѣ того о. Инспекторъ долженъ былъ еще заняться письмомъ,—составить сказаніе о двухъ чудотвореніяхъ отъ Седмозерныя Смоленскія иконы Божія Матери для представленія въ Синодъ,—вѣроятно, по просьбѣ М. Игуменіи, получившей исцѣленіе; и онъ просидѣлъ за письмомъ до 6-го часу; въ 8-мъ онъ, по обѣщанію, прислалъ за мной,—укладывать его бумаги. Я тутъ мало могъ сдѣлать, потому что былъ о. Григорій, усердно отыскивавшій, — нѣтъ ли чего лишняго между бумагами, чѣмъ бы можно было попользоваться. Да,—что грѣха таить,—и я наканунѣ не вовсе же безкорыстно напросился помогать при укладкѣ бумагъ; я просилъ, нельзя ли намъ получить наши сочиненія, въ сочиненіяхъ нашихъ у каждого записаны были мысли о. Феодора,—то, что говорилъ онъ на эти предложенія въ классѣ; и о. Инспекторъ сдалъ мнѣ эти сочиненія—съ тѣмъ, чтобы я прочитанныя роздалъ, а непрочитанныя сжегъ; я выпросилъ позволеніе—оставить послѣднія собственно для себя. Мнѣ же поручилъ о. Инспекторъ предать сожженію и много другихъ бумагъ, а послѣ его отъѣзда — осмотрѣть всѣ ящики,—не завалилось ли гдѣ нибудь чего нибудь такого, что нужно истребить. Часовъ въ 9 Леонтьевъ отпустилъ, безъ вѣдома о. Инспектора, лошадей, присланныхъ со станціи; собрались провожающіе, поставили закуску; въ перемѣну о. Инспекторъ зашелъ къ намъ въ классъ, и перецѣловался съ нами; выѣхали изъ дома около часу; и такъ какъ это было между классами, то и студентамъ нѣкоторымъ можно было выйти,—проводить его. Нѣкоторые изъ его знакомыхъ отправились въ Козловку (имѣніе Леонтьевыхъ,—въ 40 верстахъ отъ Казани) „и, вѣроятно, долго продержатъ его тамъ“.

Предположенія мои и оправдались: о. Феодоръ выѣхалъ изъ академіи на масленицѣ,—должно быть въ среду или во вторникъ, (29 или 28 янв.) а въ Нижній-Новгородъ пріѣхалъ

уже на первой недѣлѣ поста, въ среду (5 февр.) слѣдовательно, масленицу провель у Леонтьевыхъ,—служилъ въ ближайшей сельской церкви и,—я слышалъ,—служеніе однажды окончилось уже въ 4-мъ часу по полудни. О посѣщеніи о. Θεодоромъ моихъ родителей опять могу говорить словами того времени: приведу выдержку изъ письма моей матушки къ моей сестрѣ, въ то время дѣвочкѣ лѣтъ 13 или 14-ти ¹⁾ гостившей тогда у знакомыхъ въ деревнѣ. Матушка писала: „У насъ былъ о. Θεодоръ. Какой единственный человѣкъ! Онъ не похожъ ни на кого, — самъ на себя. Такъ простъ! такъ смирененъ! Неудивительно, что всѣ желаютъ его слушать и быть съ нимъ. Онъ еще очень молодъ, низенькій, маленькій, волосы свѣтлые—какъ у тебя, довольно долги;—какъ простой монашекъ! Я сначала ошибалась: и забуду сказать: Ваше Высокопреподобіе; — просто: Батюшка! На первой недѣлѣ въ среду —прихожу отъ обѣдни,—вижу: повозка стоитъ у воротъ; вхожу,—онъ въ гостинной и Ниночка“ (младшая сестра, которой тогда было 4 года) ²⁾ „ему читаетъ его маленькую псалтирь въ русскомъ переводѣ. Онъ такъ пристально разсматривалъ меня, когда передавалъ поклонъ отъ Валеріана. Дѣтей такъ и не отпускалъ отъ себя; обѣихъ обниметь, да и держать; а послѣ закуски, когда сидѣли опять въ маленькой гостиной, Ниночку держалъ все на рукахъ. Стала я подавать ему чай;—онъ сказалъ: „а дѣтямъ“?—я подала имъ въ эту же комнату. Потомъ—другую чашку; „а что же имъ еще“? И закусывать, — хотѣлъ было, чтобы мы всѣ сѣли; но сѣлъ только папенька, да монахъ, который съ нимъ, да Лиловъ“ (преподаватель духовной семинаріи), „который пришелъ—видѣть его. И такъ до вечерни мы пробесѣдовали. Ему были поданы съ почты лошади. Начали благовѣстить къ вечерни. Онъ всталъ, началъ одѣваться. Ему все присовѣтываетъ,—что надѣть,—и надѣваетъ на него его человѣкъ, который и тамъ у него жилъ“ (т. е. въ Казани) „камердинеръ, и поваръ,—и все. Онъ его и одѣваетъ, и усаживаетъ;—какъ дитя. Мы всѣ вышли про-

¹⁾ Впослѣдствіи—неизмѣнной спутницы и дѣятельной сотрудницы своего мужа,—Григ. Никол. Потанина въ трехъ географическихъ экспедиціяхъ по Монголіи,—въ Китаѣ и скончавшейся въ послѣднюю экспедицію.

²⁾ Родилась 25 янв. 1854 г.

вожать его: и Капиталина Николаевна ¹⁾ съ Александромъ Петровичемъ ²⁾, и дѣти; — всѣ, какъ роднаго проводили“. И черезъ нѣсколько строкъ: „Еще новость: Натолій“ (сирота—племянникъ моей матери, — сынъ ея умершаго брата) „живетъ и будетъ жить у насъ. Такъ совѣтывалъ о. Теодоръ. Натолій пропадалъ отъ вторника масленицы и до пятницы первой недѣли“. (Слѣдовательно, о. Теодоръ, бывшій у насъ въ среду, — не могъ его видѣть; а былъ лишь разговоръ объ этомъ „пропадающемъ“ мальчикѣ, — лѣтъ 13-ти или 14-ти, жившемъ съ своею мачихою). „Его привезли въ жалкомъ видѣ ко мнѣ, — полубольнаго отъ холода; такъ онъ и живетъ у насъ, — пока. Одѣянія у него только Костина“ (моего брата) „шинель, да свои сапоги. Что будетъ — не знаю! Надобно шить сюртукъ и проч.“

По поводу этой выдержки изъ письма моей матери, позволю себѣ сказать здѣсь вообще объ отношеніи о. Теодора къ дѣтямъ. Онъ говорилъ какъ-то, что дѣти напоминаютъ ему новые серебряные гривеннички, которые не успѣли еще стереться и загрязниться отъ обращенія между людьми. Такъ и они — монеты, недавно еще вышедшія изъ рукъ своего небеснаго Мастера; тогда какъ сдѣлавшійся поговоркою „стертый пятиалтынный“ есть приточное изображеніе чело-вѣка обезличеннаго жизнью и носящаго на себѣ слѣды житейской грязи. Въ дѣтскихъ душахъ о. Теодору особенно близко и живо являлся Христосъ какъ младенецъ. Въ Казани дѣтское общество обыкновенно окружало его въ домѣ Любимовой или Загорской. Это были двѣ сестры, — наслѣдовавшія богатство отъ своего отца-доктора; Любимова — замужняя, но бездѣтная жила привязанностью къ дѣвчкѣ своей воспитанницѣ, Загорская — не замужняя цѣлые десятки лѣтъ, до глубокой старости провела жизнь почти не вставая съ своего кожанаго кресла у окна. Лѣтописи Казанскаго б-ва не сохранили въ памяти современниковъ, что за крушеніе духа привело къ такому своеобразному отреченію отъ міра эту молодую, здоровую, красивую, богатую нѣстѣ отцовскаго имѣнія и капитала; извѣстенъ только фактъ: она, какъ однажды надѣла черное платье, закрутила свои рас-

¹⁾ Сестра моего отца, — вдова сельскаго священника.

²⁾ Сынъ ея, — нынѣ Преосвященный Алексій Еп. Вологодскій.

кошныя черныя волосы въ одинъ кокъ, — вмѣсто плетенія косъ, и усѣлась въ кресло, такъ и просидѣла всю жизнь — созерцательницею и критикомъ жизни, не принимая въ ней личнаго активнаго участія; она жила для своихъ крестьянъ, для своей многочисленной дворни, для своихъ приживальщицъ, для своихъ пансіонеровъ, получавшихъ ежемѣсячныя выдачи и по праздникамъ имѣвшихъ — каждый и каждая — свое мѣсто за длиннымъ обѣденнымъ столомъ своей патронессы. Въ средѣ этой дворни никогда не переводились и дѣти; они выросли, воспитывались, обучались болѣе или менѣе, выдавались замужъ и давали новое поколѣніе дѣтей. Для одной изъ воспитанницъ Е. В. Загорской жила даже гувернантка. И всѣ эти благодѣтельствуемые становились — однѣ болѣе, — другія менѣе, — предметами необходимости для благодѣтельницы, такъ что разлука съ иными изъ нихъ на 2, на 3 дня была для нея причиной непрестающаго потока слезъ. Итакъ въ этомъ оригинальномъ монастырѣ всегда находились живые предметы такихъ же заботъ для отца Θεодора, какъ и мои маленькіе братъ и сестра: „а что-же дѣтямъ? — а что же имъ еще?“ И вотъ такая маленькая хозяйка — гостыя, которая, на вопросъ: кто былъ за столомъ? важно перечисляла: „Я била; Отецъ Θεодоля била“... такъ иногда бывало и заснетъ на колѣняхъ у о. Θεодора, приклонившись головкой къ груди его. *Оставьте дѣтей приходи ко Мнѣ* (Лк. XVIII, 16).

А между тѣмъ какъ о. Θεодоръ, за стаканомъ остывшаго чая, съ ребенкомъ на колѣняхъ или на диванѣ, подлѣ него, — сидитъ въ гостиной за чтеніемъ Писанія, — другой какой книги или за бесѣдой, а всѣ собравшіеся слушаютъ; въ людской о. Θεодоръ тоже служить предметомъ живѣйшаго вниманія и утѣшенія всей дворни: тамъ его Семенъ, долговязый Андрей или другой какойнибудь изъ „совѣтователей“ и попечителей о. Θεодора представляетъ его въ его келейной жизни съ подражаніемъ всѣмъ приемамъ его и повѣствуя въ драматической формѣ. Очень круто приходилось иногда бѣдному о. Θεодору отъ этихъ попечителей о немъ и объ его имуществѣ; случалось, — между нимъ и попечителемъ происходили такіе разговоры: „Андрей! дай мнѣ чаю“. — Чай весь вышелъ. Пауза. „Ну, поставь самоваръ, да подай мнѣ хоть просто кипятку съ сахаромъ“. — Сахару то-

же нѣтъ. Пауза еще болѣе продолжительная. „Ну, дай кипятку мнѣ безъ сахару“. Это значило, что мѣсяцъ подходилъ уже къ концу; запасы, при содѣйствіи попечителей, истощались, а денегъ—и безъ соучастія попечителя—такъ давно уже не было, что и память о нихъ сохранилась развѣ у той бѣдной вдовы, которая поусердствовала—принесла слобныхъ горячихъ булочекъ собственнаго печенья и получила на свою бѣдность 10 руб. Попечители—Андреи властной рукой распоряжались не только въ чаѣ и сахарѣ, но давали направленіе и вещественнымъ пожертвованіямъ, которыя черезъ ихъ руки приносимы были о. Θεодору: „Ну,—куда ему этакое добро!“ говорилъ келейникъ, надѣвая самъ черныя шелковыя перчатки,—подарокъ почитателя, переданный черезъ келейника. Что за монахъ ѣхалъ съ о. Θεодоромъ,—не знаю, и не помню. Дополню письмо моей матушки къ сестрѣ нѣкоторыми вариантами разсказа о томъ же изъ письма ей ко мнѣ и отзывомъ объ о. Θεодорѣ изъ письма отца моего, для котораго проѣздъ о. Θεодора и часы, проведенные имъ у насъ были первымъ и единственнымъ случаемъ провѣрить личными впечатлѣніями то, что онъ зналъ изъ моихъ писемъ. Матушка писала: „Сильная вьюга задержала о. Θεодора въ дорогѣ. Иду отъ обѣдни,—вижу у воротъ стоитъ огромнѣйшая повозка; не прошла въ ворота“; (а домъ нашъ стоялъ во дворѣ)... „Что это за человекъ о. Θεодоръ! можно ли его не полюбить? Если бы чаще бесѣдовать съ нимъ,—какая бы была польза душевная! Какое смиреніе и любовь въ немъ“... „Говорилъ о монашествѣ и о тебѣ. Говорилъ и со мной особенно еще о тебѣ. Если не убѣдилъ, то много успокоилъ; такъ что я, кажется, спокойно встрѣчу и перенесу,—если нужно будетъ, если бы случилось,—твое рѣшеніе. Однако, кончили тѣмъ: „какъ Богъ устроить!“—Сказалъ, какъ его мать скоро и спокойно благословила и отдала его Божіей Матери“... „Послѣ, когда Лилловъ ушелъ, сидѣли въ маленькой гостиной: я вкраткѣ разсказала ему объ Анатоліи и просила его совѣтовъ. Что-бы ты думалъ,—сказалъ о. Θεодоръ? „Возьмите его къ себѣ“: и далѣе... какъ обыкновенно—ты знаешь—онъ говорить. Послѣ моихъ разсказовъ онъ говорить: „значитъ, онъ ворюшка и лакомка!—жалъ, жалъ! какъ бы хорошо, если бы вы взяли его!“ и при этомъ много разъ поминалъ, что „на-

добно—какъ своихъ дѣтей содержать,—такъ и его; вѣдь ужъ онъ привыкъ лакомиться-то, такъ надобно“; потомъ, усмѣхнувшись, глядя на Костю и Леона, сказалъ: „а вамъ будетъ это непріятно“? и при этомъ разсказалъ одинъ примѣръ,—матери его друга и товарища, умершаго уже во Владимірѣ,—какъ она дѣлила всѣхъ наравнѣ съ своими дѣтьми“... „О. Θεодоръ, говоривши объ Анатоліи, сказалъ еще: „вотъ Валеріанъ В., можетъ быть, его къ себѣ возьметъ; да—нѣтъ! нѣтъ! тутъ нужно вотъ материнское-то... да, да“! Отецъ писалъ не въ повѣствовательной или драматической формѣ и пусть его слова послужатъ окончаніемъ этой части моихъ воспоминаній объ о. Θεодорѣ въ періодъ казанской его жизни и переходомъ къ воспоминаніямъ изъ періода жизни о. Θεодора въ Петербургѣ и въ Переяславлѣ. Онъ писалъ:

„Скажу еще нѣсколько словъ объ о. Θεодорѣ. Онъ съ высокимъ стремленіемъ, какъ видно, и съ обширнымъ взглядомъ на міръ! Но какъ же ограниченъ, какъ тѣсенъ кругъ, въ которомъ должна обращаться его дѣятельность! Какъ мало, потому, онъ успѣетъ принести пользы человѣчеству! Другое дѣло, если бы онъ, при этомъ своемъ стремленіи идти и другихъ вести къ духовному совершенству, былъ дѣятелемъ въ санѣ бѣлаго священника ¹⁾! Теперь, по собственному его сознанію, онъ за великое дѣло считаетъ, когда удастся ему возвести къ Отцу (его выраженіе) отца или поставить на этомъ же поприщѣ другаго подобнаго себѣ дѣятеля, какимъ онъ признаетъ тебя,—не въ обиду сказать твоей скромности. Изъ другихъ выраженій о. Θεодора нельзя было не замѣтить, что, при всемъ его умѣ, ему недостаетъ опытнаго знанія свѣта и условій общаго быта! Жалко этого. Давно бы ему надобно было выйти изъ подъ-спуда, чтобы и самому людей посмотреть, и себя показать людямъ. Петербургское общество, полагать надо, наполнить пробѣлы его мыслящей души. Если что утѣшительно въ о. Θεодорѣ, такъ это—благость, неизъяснимо пріятная младенческая простота. Да укрѣпитъ его Господь въ этой—рѣдко нынѣ встрѣчае-

¹⁾ Слова отца имѣли въ этомъ мѣстѣ, быть можетъ, не совсѣмъ безотносительное значеніе; имѣлся въ виду я.

мой въ инокахъ добродѣтели! Вотъ впечатлѣніе, произведенное на меня твоимъ добрымъ другомъ и отцемъ“!

Предвидѣніе моего отца оправдалось. Занятія въ цензурномъ Комитетѣ дали другое направленіе дѣятельности о. Теодора: изъ пустынного аввы подневольныхъ послушниковъ академическаго монастыря онъ поневолѣ сдѣлался публицистомъ. Цензорство должно было привести его въ непосредственныя отношенія и съ издателями,—что, вѣроятно, облегчило для него дѣло изданія его произведеній. Но главное было въ томъ, что соприкосновеніе съ современной свѣтской литературой ¹⁾ властительно потребовало отъ него говорить „О Православіи въ отношеніи къ современности“ и „О современныхъ духовныхъ потребностяхъ мысли и жизни,—особенно русской“?

Кончая эту часть Воспоминаній объ о. Теодорѣ, позволю себѣ замѣтить, что письма мои, касающіеся его собственно, кромѣ этого біографическаго значенія, представляютъ и довольно цѣльную картину вообще академической жизни того времени. Но картина эта была бы несравненно полнѣе и живѣе, если бы я не былъ ограниченъ въ своихъ выпискахъ спеціальнымъ предметомъ настоящей монографіи. Для исторіи академической жизни въ концѣ 50-хъ годовъ,—въ письмахъ моихъ остается много еще неиспользованнаго матеріала.

Прот. В. Лаврскій.

1) Отъ Добролюбова я самъ слышалъ, какъ горячо принималъ о. Теодоръ къ сердцу дѣло русской мысли и жизни, когда ему, какъ цензору свѣтской литературы и публицистики въ статьяхъ, подлежащихъ духовной цензурѣ, приходилось быть судіей этой мысли въ годы освободительнаго движенія.